

ГЕОПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ИДЕЙ
С. ХАНТИНГТОНА

Ю. Д. ДАНИЛОВ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Глобализация, которая на рубеже XX–XXI веков стала преобладающей тенденцией в развитии большинства мировых регионов, хозяйственных сфер и областей общественной жизни, объективно превратилась в ведущий фактор не только развития, но и самого существования человечества. Наиболее часто, когда говорят о глобализации, имеют в виду такие феномены как экономика, миграционные процессы, тенденции в развитии массовой культуры. Такой взгляд на проблему не может считаться достаточным, т. к. на протяжении всей мировой истории огромную роль в цивилизационном развитии играли политика и религия.

Практически каждая из мировых религий, осознавая саму себя в качестве самого правильного и универсального типа мировосприятия, всегда была устремлена к безграничному расширению своего влияния – «росту вширь», постепенно захватывая под свое влияние сначала отдельные города, затем страны и, наконец, целые континенты. При этом, важно отметить, что в прежние времена, религия, как правило, расширяла свое влияние вместе с государством, хотя и не ставила целью отождествить себя с ним, а наоборот – стремилась как можно далее дистанцироваться от целей государства. Она выдвигала в качестве приоритета собственные надгосударственные функции, которые, по мнению акторов таких действий, должны были нести блага глобального характера. Изменение границ религии вширь объективно вызывало и фундаментальные политические сдвиги, опосредованные той или иной религиозной доктриной.

Об этом наглядно свидетельствует история образования колониальных империй, которые всегда оставались в шорах собственного национального интереса. Этот интерес никогда не выходил за рамки идеи расширения политического влияния и улучшения экономического состояния метрополии за счет ограбления захваченных владений. В отличие от такой практики мировые конфессии, которые не всегда отождествляли себя с каким-то конкретным государством, начиная с эпохи средних веков, начали формировать свои собственные глобальные надгосударственные структуры. Сегодня их часто именуют мирами: христианским, исламским, буддистским и пр. Характеризуя их с позиций сегодняшнего дня, можно с высокой степенью уверенности предположить, что они были вполне структурированными компонентами ячейками глобализационных процессов прошлого и своеобразными геополитическими суперпространствами. Человек позднего средневековья и Нового времени, который имел крайне ограниченную мобильность, вассально зависимый, тем не менее, имел возможность чувствовать себя достаточно независимым в пределах собственного конфессионального мира. Такие «миры» в совокупности и формировали в некотором смысле «глобальные» сообщества-цивилизации, с несовпадающими с политическими, границами. В них, человек осознавал свою принадлежность гораздо шире, чем в общности, в которой пребывал в ходе повседневной жизни: семье, клане, общине, и даже государстве и нации. Именно такие общности имел в виду С. Хантингтон, называя их признаки: «... язык, история, религия, обычаи, институты, – а также (наличие – авт.) субъективной самоидентификации людей» [1, с. 34].

Важно подчеркнуть, что и другие ученые, которые делали попытки определить понятие цивилизации, применяли критерии, схожие с названными Хантингтоном. Так, Х. Н. Бехруз определяет ее как «социально-историческую структуру сложившихся общностей, занимающих определенную территорию и характеризующихся социально-экономическими, политическими, религиозными, культурными и правовыми особенностями

формирования, отражающими переход человечества от варварства к новому, более упорядоченному уровню развития» [2, с. 24]. Н. А. Бердяев описывал данный феномен как чисто прагматически-властный, опирающийся на науку и религию, как явление, сплачивающее и объединяющее людей в их социальной жизни [3, с. 7]. Между тем, анализ большинства определений цивилизации позволяет выделить как минимум два аспекта, связывающих цивилизационный подход к рассмотрению явлений политической и конфессиональной истории:

— первый – цивилизация представляет собой определенный уровень развития человечества, которая по своей внутренней природе объективно ведет к глобализации;

— второй – цивилизация «выбирает» извне и генерирует сама в себе целую совокупность политических и религиозных характеристик, становящихся впоследствии или предметом принятия (рецепции) другими цивилизациями, или причинами, на основе которых созревают глобальные конфликты, называемые С. Хантингтоном, столкновениями.

Он подчеркивает, что данные образования более устойчивы, чем идеологии или политические режимы, т. к. содержат в себе фундаментальный религиозный компонент. По мнению ученого, цивилизации различаются историей, языками, типами культуры, традициями, но самым важным критерием для их идентификации выступает именно религия.

Интересно отметить, что такое определение цивилизации практически совпадает с тем, какое ей дал А. Тойнби. А если проанализировать сам перечень современных цивилизаций, выделяемых С. Хантингтоном, то он практически повторяет типологизацию всех известных на сегодня политических и правовых систем, при этом, среди критериев, формирующих цивилизацию, главная роль отдается системообразующим факторам: политико-правовому и религиозному. И это особо подчеркивается американским ученым даже при том, что каждой цивилизации характерны универсализм, стремление к «росту вширь» – глобализации.

Данный вывод подтверждается множеством фактов мировой истории. Так, античные цивилизации рассматривали в качестве главного ареала своего распространения Средиземноморье, древнекитайские правители считали, что любой правитель из-за пределов Поднебесной является их вассалом. Таким образом, есть все основания полагать, что в доиндустриальную эпоху глобализация проявлялась прежде всего в постоянном территориальном укрупнении уже сложившихся цивилизаций. Но при этом каждая из них стремилась сформировать свою собственную систему ценностей и комплекс универсальных структур общежития, которые разными способами внедрялись в социальную жизнь обществ без учета их национальных, культурных и иных различий. По мнению С. Хантингтона, для европейской цивилизации таким образом многие столетия была колониальная империя, которую он называет не иначе, как «универсальное государство», а его идейной основой считает христианство. Физический рост такой глобальной империи он непосредственно связывает с внедрением христианской религии, европейского права и политических традиций. Необходимо признать, что даже с позиций сегодняшнего дня такой способ глобализации, нередко трагический и насильственный, смог обеспечить создание огромных социумов, генетически интегрировавших в себе «родительские» метрополии и «дочерние» колониальные цивилизации именно с помощью религии. Мы и сегодня видим, что Латинская Америка верна католицизму, а Австралия, США и Канада остаются в основном протестантскими.

По мнению С. Хантингтона, в этом и заключается особенность современного этапа глобализации: к нему мир пришел разделенным, прежде всего, на цивилизации, а не на отдельные государства, что и формирует принципиально новую, – конфликтогенную многоцивилизационную систему мироустройства. Запад, опираясь на свой многовековой опыт, по-прежнему уповает на экспансию, что неизбежно приводит к сопротивлению других цивилизаций и их стремлению отстаивать свои собственные социальные, религиозные и культурные ценности.

Следует признать, что западная цивилизация постепенно утрачивает лидирующие позиции в глобализационных процессах. Почему это происходит? Частично ответ дан в известных трудах представителей апокалиптического направления («Закат Европы» О. Шпенглера, «Смерть Запада» П. Бьюкенена и др.). Современное экономическое лидерство стран азиатско-тихоокеанского региона, и особенно Китая, вполне объективно указывает на это, но является далеко не единственной причиной. Имеются основания полагать, что на нынешнем этапе глобализации христианство, которое на протяжении многих столетий было идейным ядром западного мира, постепенно утрачивает данное качество, и скорость данной утраты постоянно увеличивается. Такое происходит по мере возрастания протекающих на планете секулярных изменений и увеличения их сюжетного разнообразия. Г. Дж. Берман в качестве ведущего фактора внешних ограничений власти видел право, утверждая, что «кризис западной правовой традиции... вызван распадом сообществ, служивших основанием западной правовой традиции. Формирование... западной церкви как самостоятельной, корпоративной, юридической общности, противостоящей светским властям, и сочленение автономных массивов церковного и светского права... имели – да и продолжают иметь – смысл как способ защиты духовных ценностей от развращающих социальных, экономических и политических воздействий» [4, с. 68]. То есть, по его мнению, то, что считалось завоеванием демократии – отделение религии от права, привели к некой новой тенденции: превращению религии в определенную разновидность «законничества». Данный процесс С. Хантингтон называет «десекуляризацией мира», отмечая его началом последнюю треть XX века и подробно описывая происходящее в работах «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (1991) и «Столкновение цивилизаций» (1993). В них автор предлагает принципиально новый подход к геополитическому зонированию, в котором в качестве главного фактора современных международных отношений выступают цивилизационные конфликты, вызванные культурными различиями. В свою очередь, данные различия он характеризует как единственно оставшиеся и реально действующие в современном глобализующемся мире. На этом, по его мнению, в геополитике будет происходить постоянное обострение противоречий между западным и исламским мирами, а факт принадлежности к той или иной культуре станет основой идентификации для многих миллионов людей, ввергнутых в водоворот этого конфликта.

С. Хантингтон отмечает, что пределы культурных ареалов будут далеко выходить за пределы национальных границ и, таким образом, процесс мирового развития будет отброшен к временам, когда именно религиозная принадлежность и сознание, вне зависимости от государственной принадлежности человека, определяли его мышление и поведение. В определенном смысле здесь можно говорить о массовом обращении к религиозным истокам людей, когда они, воспитанные в традициях секуляризма или религиозной индифферентности, обретают новый идентификационный критерий – культурную принадлежность, в которой значимое место вновь занимает религия.

Анализируя и оценивая происходящие процессы в мире, и особенно в регионах с преобладанием западной культуры, можно с высокой степенью уверенности предположить, что десекуляризация протекает крайне болезненно и противоречиво, постоянно порождая все новые и новые конфликты. На сегодняшний день можно однозначно утверждать, что западные общества во многом уже утратили свою цивилизационную гомогенность, приняв и признав на определенном этапе своего развития мультикультурализм в качестве основного и незыблемого критерия прогрессивного развития. Своего рода эксперимент построения единого общества на западных ценностях если не провалился совсем, то уж точно породил множество нерешаемых сегодня проблем: рост терроризма, распространение фундаментализма, беженство и пр. Современное общество западных государств стало разделенным на несмешиваемые слои, которые относятся к разным цивилизациям: западной, исламской, индуистской и др. Такая гетерогенность совершенно не продемонстрировала ожидаемой государственными лидерами Европы тенденции к взаимной культурной диффузии, о чем, в частности, вынуждена была заявить г-жа Меркель, оценивая

некоторые итоги политики «открытых дверей», провозглашенной европейскими странами в последней четверти XX века. Более того, в начале XXI века стало очевидно, что национальные меньшинства в западных государствах, как наиболее отчетливо очерченные субкультурные сообщества, совсем не стремятся к интеграции с коренным населением и принятию их ценностей, а наоборот – все больше ориентируются на формирование замкнутых культурно-этнических анклавов. В то же самое время большинство незападных компактно проживающих цивилизаций не только успешно продолжают сохранять достаточно высокий уровень гомогенности общества, но и укрепляют его, постоянно утверждая различными способами связь своего настоящего и будущего с определенным цивилизационным стержнем, истоки которого они видят в религиозных и социальных стереотипах прошлого.

В этом контексте нельзя не согласиться с Хантингтоном, наблюдая, как все большую настороженность вызывают в исламской, конфуцианской, буддистской и православной культурах активно продвигаемые Западом традиции индивидуализма, либерализма, как они неоднозначно относятся к идеям конституционализма, прав человека, понятиям личной свободы и демократии, верховенства закона и отделения церкви от государства. Современные события в мире отчетливо демонстрируют, что многочисленные усилия, направляемые на пропаганду этих идей, как раз и становятся причинами конфликтов и враждебной ответной реакции со стороны носителей «пришлой» культуры. Но самое удивительное в этом : протесты зарождаются и осуществляются под «знаменами» западной цивилизации – борьбы за те же права человека, равенства нацменьшинств, равнодоступности социальных гарантий и пр.

События последнего времени : столкновения в США, рост влияния и активности фундаменталистских движений в Европе – свидетельствуют об индигенизации незападного мира («возврату к корням»), с чем американский политолог, например, связывал возможное появление самостоятельной африканской цивилизации. Во многих странах наблюдаются процессы, когда местные элиты, которые приобрели свой статус еще в эпоху колониального прошлого и первоначально ориентировались на западные ценности, сегодня осознанно переориентируются на традиционные для своей цивилизации, в которых главным содержательным элементом является именно религия. Такому сдвигу способствуют и протекающие параллельно экономические и социальные процессы, которые активно размывают традиционную идентификацию людей, ранее основывавшуюся на месте жительства и привязанности к определенному государству.

При этом важно учитывать, что рассматриваемая индигенизация незападного мира сегодня практически неосуществима в полном объеме на Западе. Даже консервативно настроенные политические элиты, призывающие помнить о традициях христианской цивилизации, сегодня демонстрируют свою неспособность активизировать традиционные и ранее всемогущие институциональные элементы западного мира, такие как государство, партийные системы, право и даже силу.

В ходе данного рассуждения сложно не согласиться с исследователями, которые в изучении ценностных систем западного мира утверждают, что сегодня важно и жизненно необходимо переосмысление теорий перехода от универсальных и наднациональных моделей развития к культуроцентрическим. Такая эволюция в рассмотрении современных глобализационных процессов возможна лишь при условии отказа от линейного и утилитарно-упрощенного подхода к восприятию глобализации. Ее особенность на современном этапе состоит в наличии чрезвычайно сложного по природе комплекса взаимодействий как между субъектами внутри цивилизаций, так и между самими культурно-историческими общностями. В них все большую роль начинает играть религиозный компонент, который служит ядром, вокруг которого интегрируются все другие элементы цивилизационного поля, обеспечивающие появляющимся и растущим цивилизациям гомогенность, устойчивость и отсутствие разрушительных внутренних социальных противоречий, столь широко характерных для современного западного мира.

Литература

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования. – 1994. – № 1.
2. Бехруз, Х. Основы цивилизационного подхода в сравнительном правоведении. – Одесса, 2007.
3. Киятченко, Н. И. Может ли быть толерантным диалог цивилизаций? / Н. И. Киятченко // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 2.
4. Берман, Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999.

Автор анализирует некоторые политические, правовые и религиозные факторы, которые в контексте идей С. Хантингтона определяют характер современных геополитических сдвигов. В статье сделана попытка исследования роли религии в международной политике начала XXI века и всего процесса генезиса цивилизации. В работе отражено отношение автора к идее американского ученого обосновать новое геополитическое зонирование новыми факторами, среди которых значимое место отведено религии. Также указывается на гетерогенность современных глобализующихся мира-системы и общества, в которых отсутствует единство ценностных подходов к определению магистральных путей своего цивилизационного развития.

The author analyzes some political, legal and religious factors that, in the context of S. Huntington's ideas, determine the nature of modern geopolitical shifts. The article attempts to study the role of religion in international politics at the beginning of the 21st century and the entire process of the genesis of civilization. The work reflects the author's attitude to the idea of an American scientist to substantiate a new geopolitical zoning by new factors, among which a significant place is given to religion. Also points to the heterogeneity of the modern globalizing world-system and society, in which there is no unity of value approaches to determining the main paths of their civilizational development.